

Первые несколько дней после приезда Гарри были крайне беспокойными, так как семья Делакуров лихорадочно пыталась впихнуть в последние два дня во Франции как можно больше разнообразных мероприятий. Всё это время Гарри был вежливым и веселым - разве что немного перегруженным - но по его поведению относительно того, как всё складывалось в его новой жизни, как это наполняло его почти детской радостью и удивлением, было ясно, что все эти мероприятия были ему внове - его родственники всегда ограждали его от подобного.

Всё выглядело так, как будто он провел большую часть жизни как пассивный наблюдатель и никогда не был частью чего-то большего - семьи, группы друзей или чего-то в этом роде - он просто двигался от одной ситуации к другой без какой-то цели или раздумий, испытывая постоянное нерадушное отношение отвратительных маглов. Хотя об этом никогда не говорилось вслух, его новая семья была преисполнена отвращения к его прошлым опекунам, и в пределах собственного воображения кое-кто из них размышлял о небольшой мести этой гадкой семье.

Для борьбы с его нерешительностью и неуверенностью его новая семья по невысказанному соглашению просто пыталась быть открытой и дружелюбной. Делакуры проявляли к нему особую заботу, как собственно и должна делать семья, чтобы убедиться, что он знает, что они учитывают и его интересы и что их волнует его счастье. Потребовалось некоторое время, но казалось, что за два дня во Франции их усилия не прошли даром и заставили его ощущать себя комфортно в их компании и полностью принятым в их доме. Старшие Делакуры заставили его понять, что мнение Гарри имеет для них значение, говоря с ним, слушая, когда ему было что сказать, и тратили немало времени на беседы с ним, объясняя вещи, которые он не понимал, терпеливо направляя его, когда это требуется. Младшие члены семьи внесли свой вклад несколько иначе: Габриэль стала его тенью, редко позволяя ему оставить её вдалеке от себя, в то время как Флёр была дружелюбна и вежлива, но все же сохраняла ту сдержанность, которую она выказала в первый вечер. Сириус, конечно, был таким же, как и всегда, непревзойденным Мародером, - он шутил и смеялся, рассказывая истории о тех своих выходках, которые творил с отцом Гарри, будучи молодым.

На следующий день после его прибытия во Францию Гарри имел дело с новым феноменом - концепцией шоппинга. Женщины семьи Делакур не были фанатичными покупательницами - они, как правило, получали всё необходимое когда им было нужно и не тратили слишком много времени на поиски. Но случай с Гарри, когда требовался полный комплект покупок: от приобретения базовых вещей до выходных костюмов, захватил воображение Аполлин и её дочерей, и они с нетерпением ожидали предстоящей поездки и возможности помочь Гарри наконец почувствовать себя тем влиятельным и уверенным юношей и волшебником, которым он и должен был вырасти. Первым шагом в этом начинании было то, что он должен был выглядеть и одеваться как оный.

На следующий день после его прибытия вся семья отправилась из замка во французский эквивалент Косого переулка, чтобы осмотреть магазины и убедиться, что у Гарри не будет недостатка в любых волшебных мантиях, которые ему понадобятся в следующем году. Как и в случае с Косым переулком, район был небольшим, и там не было ничего такого, чего бы он не видел бы в собственной стране, поэтому всё прошло очень гладко, в результате чего юноша задумался о том, почему Сириус и Жан-Себастьян были так обеспокоены мыслями о шоппинге

с дамами. Но именно после этого и началось настоящее «веселье». Выйдя из волшебного торгового района, они вошли в ближайший магловский квартал с магазинами, без конца тянувшимися по улице, и удивление и обреченность, отразившиеся на лице Гарри, были очень забавными. Женщины, воодушевленные мыслями о том, как они могут заполнить гардероб молодого человека от начала и до конца, сразу же утащили его переодеваться, намереваясь увидеть его одевшимся должным образом и сжечь его поношенные лохмотья Дадли как можно скорее.

Таким образом, начался целый марафон шоппинга, и к концу этого дня Гарри чувствовал, как будто он перемерил каждый элемент одежды в мире маглов. Ему пришлось выбирать рубашки, брюки, свитера, куртки и обувь - всё это и в повседневном, и в официальном стиле. На многие вещи он никогда бы не подумал даже посмотреть, если бы был один. Дамы были неутомимы, и их энергия была поразительной: Гарри же почти отчаянно думал, что они никогда не закончат.

Всё, что он смотрел или мерил, было принято или отклонено дамами, причем его мнение, даже если оно и было, вообще не бралось в расчет. Наконец, он взял в руки рубашку, которую его заставляли одевать и решил, что он скорее умрет, чем оденет её, и заставил дам выслушать и его мнение по поводу гардероба. Апполин не особо была удивлена его внезапной отповедью и, ухмыльнувшись, заметила, что она уже долго ждала, когда он перестанет мяться и покажет характер. После этого инцидента всё пошло гораздо более гладко, так как все было в первую очередь было согласовано с Гарри, а потом уже дамы одобряли или, наоборот, пользовались своим правом вето.

Однако эта новая схема не ограничила количество различных нарядов, которые нужно было примерить. Они потратили практически весь день, и все были измотаны к тому времени, когда Гарри наконец отошел от торгового центра с сумками и пакетами, заполненными брюками, джинсами, официальными и не очень рубашками всех расцветок и материалов, носками, обувью, боксерами и всеми теми аксессуарами, о которых дамы решили, что они ему понадобятся. Затем его новая семья уговорила его надеть некоторые из его покупок, а быстрое Инсендио в переулке уничтожило пакет со старой мешковатой одеждой, которую он носил раньше.

Увидев, сколько всего они покупают, Гарри попросил Аполлин позволить ему заплатить, но она была непреклонна: Гарри стал частью семьи, и поэтому Делакуры теперь будут относиться к нему, как к одному из своих детей, что включает в себя предоставление ему предметов первой необходимости: одежды, еды, крыши над головой, любви и заботы. Всё это было новым для Гарри, который оставил торговые центры позади, сжимая уйму пакетов с его новыми вещами и чувствуя себя немного перегруженным.

В тот же вечер они пообедали в дорогом ресторане в Париже. У Гарри никогда не было подобного опыта, он был поражен мастерством кулинарного искусства, одновременно будучи обеспокоенным тем, что он делает некоторые серьезные ошибки в плане застольного этикета и позорит себя. Однако его новая семья быстро избавила парня от страхов и заставила его почувствовать себя желанным гостем, а Сириус поддразнивал его сдержанное расположение духа, и вскоре Гарри смеялся вместе со всеми и чувствовал, что прекрасно проводит время.

Следующий день был потрачен на осмотр Парижа. Жан-Себастьян объяснил Гарри, что хоть

они скоро уедут, он не может гостить во Франции, не посетив хоть несколько главных достопримечательностей. Таким образом, Гарри смог подняться на Эйфелеву башню в Париже, увидеть некоторые из наиболее известных мест на Елисейских полях, Триумфальную арку, а также несколько других мест, о которых он всегда слышал, но никогда не посещал. В общем, это был потрясающий опыт для Гарри, который сделал его ещё ближе к своей новой семье.

Было и несколько часов, которые позволили Гарри лучше узнать свою нареченную. Оба чувствовали, что они неплохо начали во время разговора прошлой ночью, но они также поняли, что для каждого из них потребуется некоторое усилие, чтобы узнать партнера. Первая часть этого процесса заключалась в том, чтобы они оба приняли друг друга без предубеждений и оглядки на широко распространенные заблуждения и слухи.

Флёр также хотела узнать больше о нём - она слышала его рассказы о своих приключениях и всю так называемую «официальную» информацию о Гарри Поттере, но, так как он должен стать её мужем, этого было явно недостаточно. Она смирилась с брачным контрактом, но с оговорками, как она честно и сказала ему в первый же вечер во Франции. И лучший способ избавиться от этих оговорок состоял в том, чтобы как можно больше узнать друг о друге.

Это требовало столько времени, сколько позволяли их заполненные событиями дни до отъезда, и хотя это в определенной степени расстраивало Габриэль, они провели большую часть следующего вечера, закрывшись в комнате вместе или гуляя по парку вокруг замка. Габриэль вскоре получила нагоняй от матери, которая мягко выговорила и напомнила ей, что Гарри был нареченным Флёр и что им нужно узнать друг друга без помех со стороны других - Гарри будет проводить с ней время, но она не должна настолько собственнически относиться к нему. Габриэль немного надулась после выговора, но ее деятельная натура взяла верх, и она смогла общаться с Гарри больше как типичный девятилетний ребенок, а не прилипчивый фанат героя, что было раньше её основной линией поведения. Не то, чтобы поклонение герою по-прежнему не появлялось время от времени, но всё же было намного менее выраженным.

Разговоры между Гарри и Флёр, как правило, касались того, как Гарри чувствовал себя в тех сложных обстоятельствах, в которых он постоянно оказывался. Флёр уже слышала о самих событиях, однако она чувствовала, что знание об ощущениях Гарри поможет ей лучше узнать его. Вдобавок она расспрашивала его о детстве у Дурслей и убедила его рассказать о своих друзьях в Хогвартсе, об его мыслях об обучении и обо всём, что могло помочь ей понять его убеждения и стремления.

Однако обмен информацией вовсе не был игрой в одни ворота - Гарри так же интересовала его суженая, как и он её. Он практически не обсуждал с ней Шармбатон - она ясно сказала, что пока не готова об этом говорить, да и его это не сильно интересовало. Но когда речь шла об её времяпровождении с семьей и её способностях как ведьмы, так и вейлы, она становилась намного более общительной.

И еще было два события, которые показали Гарри её характер и заставили его относиться с немалым уважением к его новой нареченной.

В первое утро после прибытия Гарри в замок Делакур он постучал в дверь спальни Флёр, намереваясь сопроводить её на завтрак. Они тепло пообщались по дороге вниз и при входе в столовую обнаружили, что были последними. Гарри, увидев на столе завтрак, внезапно почувствовал приступ голода, и только собрался дать Флёр пройти к столу, как обнаружил, что она уже двинулась дальше.

Он смотрел, как она целенаправленно прошла к столу, остановилась рядом со стулом Сириуса и, уперев руки в бедра, пристально посмотрела на бывшего Мародера:

- Сириус Блэк!

Сириус вздрогнул от удивления, когда как Жан-Себастьян хохотнул при виде сцены, что разыгрывалась у него перед глазами:

- Я не знаю, что именно ты натворил, мой друг, но такой взгляд у моей дочери - это очень-очень нехороший знак.

- На твоём месте я бы обошлась без комментариев, папочка, дорогой, - парировала Флёр с необычайно сладкой улыбкой, - у меня есть и пара слов для тебя.

Как только Флёр переключила внимание на другого, Сириус оправился от удивления, и обаятельная улыбка расплылась у него на лице:

- И чем я могу вам помочь, миледи?

- Можете начать с объяснений, почему Гарри никто не сказал о брачном контракте до того, как он предстал перед судом.

Чего бы Сириус не ожидал, но явно не этого.

- Ну... я... я имею ввиду, мы... думали, что лучше держать это в секрете, - заикался он, - Дамблдор считал, что нам лучше придержать эту информацию до начала суда.

Флёр изящно подняла бровь:

- И это Дамблдор сейчас управляет домом Блэков? - немного саркастично задала она этот риторический вопрос.

Видя, что Сириусу нечего сказать, она продолжила:

- Я знаю, как вы, британцы, чтите вашего директора, но я совсем не убеждена, что для него в

первую очередь важны интересы Гарри.

Сириус попытался с жаром ответить, но был беспощадно заглушен сердитой девушкой:

- Я вовсе не считаю его абсолютным злом, Сириус, но факт в том, что он годами оставлял Гарри в скверном окружении, хотя если бы чуть-чуть попытался, мог бы найти решение и получше.

Ответом Сириуса послужил тяжелый вздох и устало прикрытые глаза:

- Не могу с тобой не согласиться. Я сам по этому поводу с ним спорил, но он убежден, что кровная защита Лили защищала Гарри лучше всего.

- От Пожирателей смерти - возможно, - возразила Флёр, - но точно не от пренебрежения опекунов.

Жан-Себастьян знал свою дочь достаточно хорошо, чтобы уловить её настроение, и сейчас он определенно чувствовал, что она крайне серьезна в своем недовольстве, поэтому попытался сгладить дискуссию примирительным тоном:

- Я предполагаю, что ты права, Флёр - нам надо было сказать Гарри до заседания. Просто не было подходящей возможности, и, как Сириус сказал, секретность была на первом месте. Но сейчас всё хорошо, Гарри больше не обязан находиться рядом с родственниками. Я обещаю, что пока я или Сириус являемся его опекунами, он туда не вернется. И ещё, как опять же говорил Сириус, наивысшая секретность была ключом ко всему, была необходима, чтобы удивить Министра и не дать ему возможности для продумывания стратегии контрудара.

Апполин была так же раздосадована, как и её дочь. Она объединила с ней усилия против этих неразумных мужчин:

- О, так вы думали, что нельзя полагаться на то, что Гарри сможет сохранить важную информацию о собственном будущем в тайне?

Когда они дошли до ожесточенного спора с обоими женскими представителями семьи, не говоря уже о Габриэль, которая, хоть и не понимала полностью, о чём они говорят, но по крайней мере знала, что речь идет о мальчике, которому она практически поклонялась, Жан-Себастьян понял, что лучше быстро отступить:

- Ты полностью права, дорогая. С этого момента Гарри будет извещен обо всём, что имеет к нему отношение.

- Безусловно, детёныш, - спохватившись, присоединился Сириус. - Мне надо было тебе сказать, но я не смог поговорить с тобой лично ни минутки без Рона или Гермионы. И то, что Молли постоянно крутилась вокруг тебя, совсем не помогало, а ты знаешь о её способности совать

езде свой нос.

Гарри на мгновение задумался над словами своего крестного, прежде чем кивнуть в знак согласия:

- Спасибо, Сириус. Буду рад знать о подобных вещах в будущем.

- Обо всём, отец, - вмешалась Флёр. - Я не ребенок, равно как и Гарри, и нам нужно знать, когда происходит что-то важное и когда вы получаете какую-то важную информацию. Гарри нужно быть лучше подготовленным, чем раньше, и можете начать с того, чтобы рассказывать ему обо всём.

Этот инцидент только подчеркнул, что Флёр была сильной натурой, и Гарри запомнил этот важный кусочек информации на будущее. И, конечно, получать информацию своевременно было крайне нужным новшеством, это была именно та вещь, о которой Дамблдор при всем своем хорошем отношении никогда не заботился.

Поздним вечером после мегашоппинга у Гарри был еще один разговор с Флёр, во время которого он узнал намного больше о вейлах и о некоторых струнах ее натуры, задев которые, можно действительно её разозлить.

Было довольно поздно, они уединились в спальне Флёр, куда ушли по возвращении, и разговаривали несколько часов. Гарри, наконец, почувствовал, что медленно начинает получать представление о ней. Диалог временами прерывался, поскольку они растянулись на её кровати и неспешно обсуждали всё подряд.

В частности, речь зашла о вейлах и об их очаровании, и Гарри, будучи крайне заинтересованным этим эффектом, расспрашивал Флёр, как она его использует и как можно от него защититься.

- Это тяжело объяснить, Гарри, - ответила она, поразмыслив пару секунд. - Я просто... напрягаюсь, но это не совсем верное слово. Это ощущается как будто... выпускаешь ауру.

Гарри обдумал объяснение:

- Значит это как будто ты расширяешь диапазон своих чувств или что-то в этом роде?

- Не совсем, - Флёр задумалась, прежде чем начать объяснение. - Подумай о том, что происходит, когда кто-то сильно надушился, можно почувствовать запах духов на несколько метров вокруг этого человека.

Лицо Гарри скривилось в гримасе, и он кивнул:

- Да, это зависит от того, сколько духов ты используешь. Я клянусь, что одна моя сокурсница просто в них купается - с подветренной стороны её можно учуять за милю.

Очаровательный смех был ему ответом:

- Мне надо будет научиться избегать её - не выношу сильного запаха духов. Принцип тот же, Гарри. Своим вейловским очарованием я создаю ауру, которая чем-то сходна с облаком запаха. И тут же начинаются различия - то, что я создаю, это не запах, а скорее магическое поле, смешанное с феромонами, в разной степени влияющее на людей. И в некоторой мере я могу им управлять. Например, я могу направить его на определенного человека в комнате полной людей - на других мужчин это тоже повлияет, но далеко не так, как на того, на кого оно направлено.

- И это очарование действует на женщин?

- Нет, Гарри, женщины полностью невосприимчивы.

- А как насчет защиты?

- У некоторых, как у тебя, есть природные щиты, остальные, если взяли на себя труд изучить раздел ментальной магии, называемый окклюменцией, тоже могут рассчитывать на определенную защиту. Ну и последний вариант - это любовь.

Флёр направила на него пристальный изучающий взгляд и продолжила:

- Если мужчина любит женщину, то его чувства сильно уменьшают эффект влечения. Большая часть магии вейлы основана на любви, хотя очарование всё же больше относится к похоти, нежели к любви. Но поскольку похоть - это тусклый побег её выражения, то чувство настоящей любви имеет преимущество над аурой очарования и помогает ей противостоять.

- И на что еще способна твоя магия, если она основана на любви?

Флёр немного замялась, но всё же собралась и игриво на него глянула:

- Ну, Гарри, отношения вейл со своими партнерами известны своей силой и невероятной близостью. Если нам с тобой посчастливится принять узы любви, мы станем намного ближе, чем большинство обычных пар могут только мечтать. Если нас когда-нибудь свяжет любовь, я сразу буду знать о твоих чувствах ко мне, без малейших колебаний, это просто часть моей силы. Я также вижу, когда другие разделяют это чувство. Вдобавок, когда мы поженимся и... вступим в интимные отношения, я буду точно знать как удовлетворить тебя - это прирожденное свойство знать, что моему любовнику нужно во время секса. Это именно та

причина, по которой вейлы веками высоко ценились как наложницы и любовницы - какой мужчина не захочет женщину, которая делает именно то, что он хочет и в чём нуждается.

На данный момент Гарри не был совсем уж невинным - школьное образование прямо перед Хогвартсом гарантировало хоть какие-то знания в этой сфере - и ему не требовалось так уж много воображения, чтобы определить, почему быть с женщиной, что может полностью удовлетворить его, это очень хорошо. Разговор привел его в определенное смущение, но в то же время у Гарри появилось намного большее уважение к Флёр - она была более привлекательным сексуальным объектом для большинства мужчин, чем когда-либо сможет стать любая кинозвезда или супермодель, и, несмотря на это, она была уравновешенной и скромной особой, которая совсем не находила удовольствия в своем даре заарканить любого, кого бы захотела. Его надежды на хорошие отношения только укрепились ввиду подчеркнуто скромного поведения Флёр.

- Я могу понять, как это может стать проблемой.

Невеселый вздох был ему ответом:

- О да, это проблема. Я регулярно получала самые гнусные предложения, начиная с двенадцати.

Гарри моргнул:

- С двенадцати?!

Флёр кивнула:

- У вейл половое созревание начинается примерно в то же время, как и у обычных девочек, но пока мы не научились контролю очарования, есть некоторая, ну назовем ее... утечкой, за отсутствием лучшего термина. И мальчики моего возраста в Шармбатоне были перед ней полностью беззащитны. Когда я выросла и научилась контролировать ауру, ситуация улучшилась, но определенный вред уже был нанесен. Для большинства из них я была просто красивой игрушкой, которой они пытались завладеть, чтобы похвастаться своей мужественностью. Много раз мальчишки пытались затащить меня в чуланы для метел и вообще всячески делали мою жизнь несчастной. А поскольку я могу уверенно распознавать настоящие чувства, я знаю, что их привлекала не я как личность, а то, как меня можно использовать.

Нахмуренное лицо Гарри предвещало взрыв, когда он подумал, что его нареченная может столкнуться с подобным и в Хогвартсе:

- В Хогвартсе ничего подобного не повторится, - прорычал Гарри, - любой, кто позволит хоть что-нибудь, нарвется на мои проклятия, сильно нарвется!

Это вызвало ясную улыбку на её лице, Флёр схватила и пожала его руку:

- Спасибо, Гарри, это очень мило, что ты хочешь меня защищать.

Но Гарри всё ещё выглядел недовольным:

- Я хочу, чтобы ты ставила меня в известность, если хоть кто-то позволит себе лишнее, Флёр. Я знаю, что мы только начали строить отношения, но чьи-либо вольности по отношению к тебе полностью неприемлемы.

Флёр наклонила голову и откинулась назад, подложив под неё ладонь:

- Есть еще что-то, что тебя интересует?

- Ну, еще одна вещь... - начал он осторожно, инстинктивно зная, что его следующий вопрос скорее всего расстроит её, - я предполагаю, что некоторые не считают вейлу человеком.

Он оказался прав. Выражение на её лице быстро стало холодным, и когда она заговорила, её голос был холоднее антарктического ветра:

- Я такой же человек, как ты или любой другой, Гарри - и не позволяй никому утверждать что-либо иное.

- Я никогда и не думал по-другому, Флёр, - спокойно и рассудительно ответил он, - только хотел тебя предупредить, что ты можешь столкнуться с этим, когда мы будем в Хогвартсе, в основном это будут мысли слизеринских ревнителей чистоты крови, но, возможно, и не только их.

Огорчение отразилось на лице Флёр, и она извинилась за свою вспышку:

- Прости меня, Гарри, я не должна была так реагировать.

- Это естественно, - ответил он, сжав ее руку утешительным жестом, копируя действия Флёр парой минут раньше, - если ты не хочешь развивать эту тему, без проблем.

- Нет, Гарри, будучи моим суженым, ты будешь явной мишенью этих расистов, так что тебе нужно знать все сложности.

Она молчала, подбирая слова, явно пытаясь найти баланс между раздражением и правильным видением ситуации. Гарри выжидал, давая ей время подумать и немного жалея о своем вопросе.

- Я снова извиняюсь за свою реакцию, Гарри, - наконец сказала она, - это было рефлекторное неприятие к той нетерпимости, с которой мне приходится иметь дело всю мою сознательную жизнь, хотя я подозреваю, что в твоих кругах она не столь распространена.

Гарри кивнул, и она продолжила:

- Расисты не склонны считать вейл людьми, но факт в том, что мы такие же люди, как и они. Корни вейл восходят к сиренам из греческой мифологии, наше происхождение до этого времени намного туманнее - Одиссея была первым упоминанием о расе, которая стала известной как вейлы.

- И нет более ранних источников?

Флёр покачала головой:

- Нет, конечно, есть легенды, но их истинность как минимум сомнительна. Некоторые утверждают, что первая вейла была результатом какого-то давно забытого заклинания, которое со временем было утеряно. Другие думают, что наше происхождение связано с каким-то магическим талантом задолго до того, как появилось осознанное развитие магии тренировками, а не интуицией. Считается, что когда-то давным-давно мир был полон дикой магии, живые существа были затронуты её силами и изменены так, чтобы быть приспособленными к жизни в этом мире. В любом случае, физиологически я точно такая же, как и любая другая женщина. Независимо от настоящего происхождения вейл, первой из нас была человеческая женщина, которая каким-то образом была изменена магией. Всё остальное переходит из поколения в поколение с того времени.

- И какую теорию ты считаешь достоверной?

На лице Флёр появилась улыбка:

- На самом деле не имеет значения, что я думаю. Я человек, как и любая другая женщина. У меня просто есть несколько дополнительных способностей и гораздо более высокая вероятность родить девочек, а не мальчиков. Я думаю, что такова наша природа. Для сохранения вейл как вида наша магия принуждает нас рожать девочек, которые продолжают нашу расу и передают наши способности. Количество вейл в мире остается неизменным или совсем ничтожно растёт. Это сохраняет и человечество, можешь себе представить, что было бы, если бы вейлы рожали много детей?

Гарри поразмыслил об этом несколько мгновений, и ответ был довольно очевиден:

- В конце концов, если вейлы рожают только девочек-вейл, тогда будет все больше и больше вейл.

- Именно. Тогда в конечном итоге будет сильное неравенство в отношении полов - на каждого мальчика, родившегося у вейл, родится около девяти девочек, что вызовет серьезные проблемы для всего мира. Ты же можешь себе представить, что произойдет при таком количестве вейл в мире?

Последствия были бы очевидны.

- Вейла, обладающая своими способностями, обычно имела бы преимущество в поиске партнера.

- Точно. Это заняло бы много поколений, но в конечном итоге, я думаю, что единственными женщинами в мире остались бы вейлы. Поэтому я считаю, что способ воспроизводства вейл защищает как их самих, так и население всего мира.

- Что приводит нас к другому важному моменту, Гарри, - продолжила она, - тот факт, что у нас будут только девочки, является проблемой для продолжения твоего рода.

- Что ты имеешь ввиду?

Флёр покачала головой:

- Я всё время забываю, что ты не был воспитан в волшебном обществе. Род Поттеров существует множество столетий, со времен ваших основателей. Если у нас будут только девочки, у тебя не будет сына, чтобы продолжить твой род. Это очень важно, особенно для старых чистокровных семей.

Она была права, Гарри никогда не думал об этом раньше:

- А девочка может наследовать?

- Да, может, но род Поттеров не продолжится, что очень важно для чистокровных семей, например, для Блэков. Если Сириус не женится и не обзаведется сыном, его род исчезнет, а его род не менее древний, чем твой.

- Но разве рода не вымирают? - спросил Гарри. - И у некоторых девушек в Хогвартсе нет братьев, и что им делать?

- Да, рода вымирают, - согласилась Флёр. - Раньше это было больше связано с болезнями и войнами, нежели с рождением только девочек, и для некоторых это не так важно, но в высших эшелонах чистокровных кругов это очень и очень существенно. Ты наследник чистокровной линии. Большинство представителей твоего социального круга хотели бы, чтобы твой сын продолжал род.

- Так что же нам делать?

У Гарри было четкое чувство, что у Флёр есть определенное мнение по этому поводу, но она решила замять эту тему:

- Есть другие способы сделать так, чтобы твой род продолжился, Гарри, но сейчас я бы не хотела их обсуждать. Я бы всё-таки предпочла узнать друг-друга получше, прежде чем мы начнем обговаривать такие серьезные предметы.

Соглашаясь с ней, хотя ему и было крайне любопытно, что она имела ввиду, Гарри позволил разговору перейти на другие, более простые темы. Было уже крайне поздно, когда он добрался до своей кровати, полный радостного чувства, что они с Флёр продвинулись довольно далеко в том, чтобы узнать друг друга.

Для Апполин Делакур два дня, проведенных с её будущим зятем, были приятными и очень показательными. Он был сдержанным и спокойным, выражая своё мнение во вдумчивой, но несколько робкой манере, особенно когда это мнение касалось чего-то, в чём он не был уверен или не имел знаний. Но когда он говорил о вещах, с которыми он часто имел дело, он сиял уверенностью, и Аполлин могла видеть его другую сторону - крайне перспективную. Например, когда его расспрашивали о квиддиче, он рассказывал некоторые истории, описывающие игру, и свои переживания, которые у него возникали по ходу матчей. В основе его повествования были разговоры о полетах - и это раскрыло его настоящую страсть. Было видно, что он наслаждался игрой, но в целом для него это просто было поводом летать на метле.

Он был вежлив и добр, относился ко всем окружающим с почтением и уважением, что немного удивляло Апполин в свете того, что она знала о его воспитании этими ужасными маглами. Учитывая то, что она слышала об его отношениях с Дурслями, она ожидала, что он вырастет резким и мстительным, желающим заявить о себе всему миру. Она еще не очень хорошо его знала, но не смогла найти в его поведении ничего из ожидаемого. Она подозревала, что он может быть таким же злым и раздражительным, как и любой подросток, но истинная жестокость, казалось, вообще не имела места в его характере. Очевидно, он принял первые пятнадцать лет своей жизни и всё время, проведенное с Дурслями, с некоторым фаталистическим смирением, даже когда он изо всех сил пытался влиться в семью Апполин.

В период привыкания для молодого человека Аполлин могла ясно видеть его затруднения в том, как надо себя вести, особенно когда его хвалили за что-то, и его ошеломление от теплого приема семьи. Аполлин также подозревала, что он отчаянно пытался соответствовать этой семье, с которой он должен был вскоре породниться, вдобавок его удручало чувство безысходности от того, что он навлекает опасность на всех, кто его поддерживает.

Не то, чтобы данный вопрос не вызывал беспокойства у самой Апполин - но тем не менее, семья была впечатлена его манерами и характером. Изначально она сомневалась в брачном контракте - он был, в конце концов, известным волшебником и мишенью одного из величайших

темных магов данного тысячелетия. Однако теперь, когда она получше узнала его, осознала его прошлое и немного разглядела его будущее, она не беспокоилась о том, как Гарри будет относиться к Флёр. Теперь она стала рассматривать их женитьбу как очень удачный брачный союз.

Правда, всё еще был вышеупомянутый Тёмный лорд, с которым надо было бороться, но в любом случае весь волшебный мир находился в опасности. Она не знала, почему Гарри был важной целью Тёмного лорда, но она быстро поняла, что с правильным наставником он может стать великим волшебником. Жан-Себастьян был хорошим человеком и мог обеспечить это отчаянно необходимое мужское влияние на жизнь Гарри. Вместе, как семья, они помогли бы молодому человеку вырасти и стать тем, кем, как она уверена, он может стать.

В день отъезда Аполлин сидела в спальне Габриэль, размышляя об изменениях в их жизни, когда её муж вошел в комнату. Почувствовав его неуверенность, глаза Аполлин сузились в ожидании того, что он хотел обсудить. Если это было то, о чём она подумала, ему стоило бы промолчать.

- Да, любовь моя? - она поприветствовала его, побуждая его улыбнуться и подойти к ней.

- Аполлин, - начал он после того, как сел и взял её за руку, - я бы хотел, чтобы ты передумала и осталась во Франции вместе с Габриэль.

Аполлин раздраженно фыркнула, удивляясь, сможет ли этот человек когда-нибудь сдаться:

- Жан-Себастьян Делакур, мы уже обсуждали это!

Более слабый человек мог бы струсить, видя такое неудовольствие, но её муж просто подарил ей озорную улыбку, которая всё ещё заставляла сердце радостно биться в груди, даже после почти двух десятилетий брака. Чёрт, как он это с ней делает!

- У нас был разговор, но результат меня не удовлетворил. Это значит, что я должен снова попытаться, не так ли?

- Наш разговор, возможно, не удовлетворил тебя, но полностью устроил меня, - возразила Аполлин. - Если ты думаешь, что я позволю тебе пойти на риск, пока я останусь здесь, ты должен серьезно пересмотреть свой образ мышления.

- Аполлин, пожалуйста, будь рассудительной.

- Нет, Жан-Себастьян, я не буду рассудительной. Мы семья, и мы останемся вместе как семья. Мы приняли в нашу жизнь молодого человека, и я тоже хочу его поддержать, поскольку я знаю, что ты намереваешься делать. Эта поддержка не позволит мне оставаться во Франции. Моё место с тобой.

- Но Аполлин, подумай об опасности, подумай о Габриэль. Будет очень сложно делать всё то, что нужно, когда я должен постоянно беспокоиться о вас обоих.

- Тогда ты должен был подумать об этом, прежде чем решил принять брачный контракт.

Он снова начал говорить, но Аполлин приложила ему палец к губам, заставляя замолчать. Он был хорошим человеком - самым лучшим из людей, но и у него иногда была склонность относиться к ней и их дочерям, как будто они сделаны из фарфора. Она любила его за это, но в то же время она была хорошо обученной волшебницей, и у нее были способности вейлы, чтобы она могла так просто сбежать от любых неприятностей.

- Жан-Себастьян, я не останусь, так что побереги дыхание. Если всё пойдет не так, тогда мы отправим Габриэль к бабушке, но я всё равно останусь. Не надо меня закутывать в вату - со мной всё будет в порядке.

Его долгий взгляд ничего не выражал, но для того, кто хорошо его знал, его внутренняя борьба была очевидна.

- Ты не уступишь, не так ли?

- Нет.

Он опустил глаза и вздохнул, прежде чем взглянуть на неё с кривой усмешкой на лице:

- Я часто размышляю: и как я женился на такой волевой женщине?

Смех, который он получил в ответ, удивил его.

- Ладно тебе, Жан-Себастьян, я нравлюсь тебе такой, какая я есть, признай это.

- Я... я просто хочу уберечь тебя от опасности.

- Это то, что ты не сможешь сделать в принципе. Подумай об этом так: если этот Волдеморт завладеет Англией, как ты думаешь, что будет его следующим пунктом?

- Я уже об этом думал, - тихо ответил он.

- Значит, ты знаешь, что даже Франция не будет по-настоящему безопасна. На самом деле, я была бы удивлена, если у него уже нет тут вербовщиков - некоторые члены нашего общества могут быть такими же фанатичными и недалекими, как и поборники чистоты крови с другой стороны пролива, ты же знаешь. На самом деле, я думаю, что мы с Габриэль с вами в

Англии будем в большей безопасности, чем были бы здесь.

Жан-Себастьян ухмыльнулся и наклонился, чтобы поцеловать жену в щёку, прежде чем встать:

- Ещё многое предстоит сделать.

Аполлин тоже поднялась и занялась разборкой одежды Габриэль. Но пока её муж не ушел, ей нужно было сказать ему ещё кое-что:

- Жан-Себастьян, пожалуйста, не поднимай эту тему больше, я уже решила.

Остановившись у двери, Жан-Себастьян оглянулся на неё и улыбнулся:

- Я понял. Тема закрыта, и я больше не стану говорить об этом.

Удовлетворенная Аполлин вернулась к своей работе, а её муж вышел из комнаты.

Остаток этого субботнего дня прошел в проверках способности домовых эльфов перенести поклажу в их новый дом. В основном это была одежда и личные вещи, а также несколько предметов обихода, которые считались необходимыми, в том числе изношенное, но удобное офисное кресло Жана-Себастьяна. Это было заботой Аполлин, которая свела количество вещей до минимума, проведя целый день за сортировкой семейной одежды, откладывая старые вещи, которые нужно выбросить или пожертвовать, и в целом за проверкой, что всё нужное семье будет под рукой. Конечно, одежда Гарри, которая в основном была куплена в предыдущий день, была самой простой проблемой, вещи просто оставили в сумках, готовые к переезду.

Все они были слегка расстроены меланхолией Сириуса, всё ещё считавшимся беглецом в глазах британского министерства. Он должен был остаться в замке Делакур, чтобы продолжить свое выздоровление и ждать заседания суда, которое предварительно было запланировано на середину следующего месяца. Тем не менее, несмотря на мрачность, Сириус подбадривал себя, чтобы немного поддразнивать своего крестника, пообещав снова увидеться с ним на суде и во время предстоящих зимних каникул.

Результатом их усилий было то, что семья прибыла рано вечером, разложила вещи в своих выбранных спальнях и села за ужин усталая, но счастливая - по крайней мере, Гарри был рад снова оказаться в Англии.

Именно в этот момент Жан-Себастьян, приняв своего нового опекаемого и перевезя свою семью в Англию, решил, что пришло время следовать его решению связаться с Дамблдором по поводу тайного общества, главой которого тот был.

Он прошел в свой кабинет и сделал звонок по камину, правильно догадавшись, что директор будет в своём кабинете в Хогвартсе, с просьбой о скорой встрече с целью обсудить некоторые интересующие их обоих вопросы. Дамблдор с готовностью согласился, предложив встретиться на площади Гриммо, чтобы дать Гарри возможность снова пообщаться со своими друзьями. Сборы не заняли много времени, и всего через тридцать минут Жан-Себастьян переместился по каминной сети вместе с Гарри и Флёр.

Они вошли в гостиную, и Жан-Себастьян остался доволен, увидев радость Гарри от вида своих друзей. За последние два дня он много слышал о друзьях Гарри, особенно о Гермионе Грейнджер, которая в этот момент схватила его опекаемого в сокрушительное объятие, точно такое же, как после суда. Хорошо было знать, что у Гарри была группа поддержки, которая собралась вокруг него - он подозревал, что это будет необходимо в будущем.

Единственная забота, что его волновала, разрешилась и быстро.

- Эй, ребята, - начал Гарри, - я хотел бы познакомить вас всех с моей невестой, Флёр Делакур.

Тишина продолжалась лишь минуту, прежде чем Гермиона, преодолев волнение, подошла и поздоровалась с молодой французской ведьмой:

- Привет, Флёр. Меня зовут Гермиона Грейнджер. Добро пожаловать на площадь Гриммо.

Жан-Себастьян издал облегченный вздох, которому вторил, как он заметил, хотя и гораздо более тихий вздох Флёр. Его дочь нерешительно ответила, улыбнувшись по-настоящему широко и открыто.

Близнецы подошли к Флёр, каждый из них вычурно поклонился и улыбнулся ей такой же широкой улыбкой:

- Любой друг Гарри - наш друг.

- Она его невеста, Джордж.

- Я не Джордж, я Фред! И я надеюсь, что она также является и его другом.

- Его друг? Не хотел бы ты быть её другом? И не называй себя Фредом, когда мы оба знаем, что я Фред.

- Ты бредишь, и, конечно, я хочу быть её другом. Балбесы вроде нас выглядят намного лучше, когда у нас есть хорошенькие друзья.

- Ш-ш... Не говори так громко. Или маленький Гаррикинс рассердится за то, что мы

подкатываем к его девушке.

- Я не подкатываю к его девушке - просто пытаюсь выглядеть лучше, купаясь в свете её красоты.

- Ну, пока ты уверен, что все знают, что ты Джордж, когда ты дурачишься, все в порядке. Я бы предпочел, чтобы ты не пятнал мое имя.

- Ты опять!

- Что опять? Это ты упорно думаешь, что ты Фред.

- Ну тогда, я думаю, мы просто вернемся в наш старый резервный режим.

- Дред и Фордж?

- Да, но помни, я - Дред.

- Но я...

- Может хватит? - раздался голос Гермионы. Она, немного нахмурившись, смотрела на них, и, судя по выражению её лица, была несколько раздражена. Она повернулась к Флёр, которая следила за их шутками, переводя взгляд с одного на другого, как при наблюдении за мячиком для пинг-понга.

- Это Фред и Джордж, близнецы Уизли. Не позволяй им продолжать, или они могут так болтать часами.

- Да, мы такие! - откликнулся один из близнецов.

- Ты можешь называть нас Фред, Джордж, Дред, Фордж - нам всё равно.

Флёр не смогла сдержать смех от их выходок и заметно расслабилась, что и было целью их смущающего диалога.

- Флёр идет в Хогвартс в этом году, - вступил в разговор Гарри, - она будет на вашем курсе.

Двое мальчиков посмотрели друг на друга, прежде чем повернуться к Флёр и широко улыбнуться ей:

- Офигительно! - воскликнули они в унисон.

- Если вы, ребята, таки закончили, у меня есть ещё несколько человек, которых нужно представить.

Гермиона повернулась к двум другим рыжеволосым детям и быстро отрекомендовала и их. Они, однако, были не такими приветливыми и теплыми, как близнецы. Младший сын Рон оказался слишком скованным, чтобы сформулировать связный ответ - явление, с которым, как знал Жан-Себастьян, Флёр была близко знакома. А девушка, Джиневра, немного нахмурившись, оценивала дочь Жана-Себастьяна.

"Ага, вот оно как," - подумал Жан-Себастьян. В день суда он думал, что с легкостью справится с миссис Уизли и её дочкой, но у него не было возможности понаблюдать за ними. На данный момент всё выглядело так, что как минимум надо будет отслеживать действия девушки.

В ту же секунду дверь в комнату открылась, и вошел директор, весело приветствуя всех.

Как только любезности были завершены, Дамблдор пригласил Жана-Себастьяна в ближайший кабинет. Уверенный, что о его дочери позаботится Гарри, Жан-Себастьян согласился, и они вскоре покинули комнату.

Они начали разговор со взаимных комплиментов и дискуссии о текущей ситуации, и Дамблдор крайне одобрительно высказался об участии Жана-Себастьяна в жизни Гарри.

- Я рад слышать, что Гарри строит свою жизнь с вашей семьей, - наконец сказал Дамблдор, услышав рассказ Жана-Себастьяна о последних нескольких днях, - я верю, что ему будет полезно знать, как живут волшебные семьи.

Жан-Себастьян сверлящим взглядом уставился на директора:

- Я должен сказать, что я вообще не могу понять, зачем вы оставили Гарри с этими маглами. Я слышал, как они к нему относились, но при этом я не был готов к тому, свидетелем чего я оказался. Они вели себя с ним как с заразным. Ему отказывали в малейших проявлениях любви и привязанности. Я поражён, как он вырос таким, какой он есть.

На мгновение Дамблдор стал выглядеть на все свои 114 лет. Он провел рукой по глазам, помассировал виски и тяжело вздохнул:

- К сожалению, или, наверное, к счастью, ты не знаешь, что здесь творилось к концу войны, Жан-Себастьян. Вся страна праздновала, но, хотя Волдеморт таки был побежден, его сторонники были под большим вопросом. Некоторые Пожиратели смерти были явными и известными, и против них были непротиворечивые доказательства их преступлений - такие как Лестрейнджи, Масильбер и Крауч-младший. И они до сих пор находятся в Азкабанае.

- А Малфой? Я так понимаю, что они так же замешаны, как и остальные.

- И я боюсь, ты прав. Однако не было никаких прямых доказательств преступлений Малфоя, хотя многие уверены в его действиях под маской Пожирателя смерти. Его, как и других, таких как Уолден Макнейр, было тяжело припереть к стенке, хотя мы были уверены в его непосредственном участии или, еще важнее, в том, что он финансировал действия Волдеморта.

Жан-Себастьян непонимающе взгляделся в лицо Дамблдора:

- А почему не использовали веритасерум? Я помню репортажи того времени о том, что его использование отклонили, но вот причины ясными не были.

- Это было вовсе не так просто, как вы могли подумать, - ответил Дамблдор, задумчиво глядя на его лицо. - Мы были в полном раздрае, даже после поражения Волдеморта, и наша система правосудия была в руинах. Министр одобрил использование веритасерума, но поскольку Визенгамот служит судебной ветвью нашего правительства, они смогли отменить эту директиву. И поэтому Малфой и другие смогли заявить о своих действиях под Империсом и успешно избежать Азкабана. К несчастью, я не был тогда Верховным Чародеем, хотя уже долгое время был членом Визенгамота, и у меня было определенное влияние, но его оказалось недостаточно, и я не смог сдвинуть Визенгамот с этого курса.

- Но почему Визенгамот по факту провалил свои возможности вершить правосудие?

- Потому что фракция чистокровных была обеспокоена тем, что они потеряют свое влияние в силу того факта, что многие из их членов поддерживали Волдеморта и в результате потеряли свои места. Они смогли упротить, купить или угрожать остальной части Визенгамота с целью отказаться от использования веритасерума, утверждая, что это будет «ущемлением прав его самых уважаемых членов».

Объяснение имело смысл и соответствовало тому, что Жан-Себастьян помнил о том времени. Репортажи, которые публиковали во Франции были неполными, и хотя Волдеморт был на первой полосе во французских газетах, волшебная Франция в то время в значительной степени довольствовалась рассмотрением ситуации как исключительно британской проблемы. Для Жана-Себастьяна это выглядело скорее как коллективное решение засунуть голову в песок и игнорировать ситуацию, которая могла бы в будущем стать огромной международной, а не только британской проблемой.

Но вот в чём он не был уверен, так это в разумности решения отдать мальчика в семью его тети. Разумеется, Дамблдор смог бы найти кого-то, кто заслуживает доверия, чтобы вырастить мальчика.

- А Гарри? - продолжил он.

- Гарри представлял особую проблему, - ответил Дамблдор. - В идеале, я бы передал его

Сириусу, но учитывая тот факт, что все мы считали Сириуса предателем, я не был уверен, с кем его оставить. Я признаю, что в то время был всё время в какой-то панике. В конце концов, если Сириус, который был ближе брата Джеймсу, мог быть предателем, любой мог бы им быть.

- Итак, я поместил его в семью, в которой я мог быть уверен, что она не связана с Пожирателями смерти. Зная отвращение Дурслей к магии, я понимал, что они, по крайней мере, будут держать его в безопасности от Пожирателей смерти так долго, как это в принципе возможно, поскольку была установлена сильная защита, чтобы держать это место в тайне. Я использовал защиту крови Лили как средство для установки охраны, которая могла бы защитить его от нахождения какой-либо враждебной магией. Это было временным решением, пока бы я не нашел другого.

- И что случилось впоследствии? - осведомился Жан-Себастьян. Он начинал понимать, что нахождение Гарри у Дурслей было неудачной чередой обстоятельств, а не бессердечным отречением от мальчика, чего он боялся. По крайней мере, он надеялся, что это так, было бы катастрофой, если бы Дамблдор оказался ненадежным. Этот человек был слишком важен для будущей битвы, не говоря уже о том, что дети Жан-Себастьяна будут находиться под властью этого человека в течение большей части года.

- Вот тогда появилась вторая проблема, - пожал плечами Дамблдор, - я не смог предсказать, как мгновенная слава повлияет на мальчика и во что может вылиться выражение сочувствия и поддержки. В одночасье были поданы дюжины петиций и предложений предоставить ему дом, но я не мог допустить возможности, чтобы кто-то менее заслуживающий доверия взял его под опеку - это могло бы привести к катастрофе.

- Вы думаете, они бы убили его?

Дамблдор задумался:

- Это был один из возможных результатов. Был возможен и другой, и оба полностью зависели от того, какой информацией Тёмный Лорд поделился с его последователями.

- Что вы имеете ввиду?

- Он, или, по крайней мере, его родители, как известно, были атакованы самим Тёмным Лордом. Поэтому, если это всё, что было известно, тогда, я думаю, что его воспитывали бы, прививая идеалы чистокровных.

- Но они вербовали на основе чистоты крови, а Гарри не чистокровный.

- Они не были настолько предвзятыми, как они хотели, чтобы все думали, - опроверг Дамблдор. - Всё, что требовалось для приема в круг, это демонстрация достаточного уровня личной лояльности к Волдеморту, к жажде власти и к некоторому уровню чистоты крови. Они не принимали маглорожденных, но принимали любого, у кого был хотя бы один магический

родитель, правда с некоторыми ограничениями.

Это имело определенный смысл. В конце концов, кем бы ни был Волдеморт, он не был глупым, и ограничить вербовку всего лишь десятью процентами населения, пытаясь захватить нацию, было бы крайне недальновидно.

- Тогда Гарри в руках бывших Пожирателей смерти был бы проблемой.

- Причем в большей степени, чем кажется, - ответил Дамблдор. Он взмахнул палочкой, и на дверь и стены вылетела серия заклинаний конфиденциальности, что сделало их разговор незаметным и безмолвным для любого слушателя. Жан-Себастьян поднял бровь на действия директора, но Дамблдор просто улыбнулся.

- То, что я собираюсь открыть вам, не должно выйти из этой комнаты. Хотя я не верю, что кто-то слушает нас, я не могу пренебрегать безопасностью - близнецы Уизли, в частности, известны как деятельные изобретатели и сумели выведать некоторые важные секреты.

Жан-Себастьян посмотрел на директора. Хотя его слова о близнецах были несколько легкомысленными и слегка забавными, по его поведению было понятно, что ему не до смеха. Что бы он не собирался сказать, он считал, что это важно для безопасности Гарри и этого было достаточно, чтобы убедить Жана-Себастьяна следовать его примеру.

- Вам нужен непреложный обет?

Дамблдор одобрительно кивнул:

- Спасибо за предложение, но нет, я хорошо вас знаю благодаря сотрудничеству в МКМ, и я верю, что вы обеспокоены защитой Гарри. Вашего слова хватит.

- Даю слово.

- Очень хорошо. Источник причины, по которой Гарри был целью Волдеморта, находится в пророчестве, которое я услышал, когда брал интервью у кандидата на должность профессора прорицаний весной до рождения Гарри.

Лицо Жана-Себастьяна нахмурилось:

- Должен признаться, у меня мало веры в предсказания, вы уверены, что это было истинное пророчество?

- Я сам это видел, - ответил Дамблдор. - Я сам крайне мало пользуюсь этой ветвью магии, но она не использовала свои приспособления, когда делала это предсказание. Это был

классический случай провидца, входящего в транс, произнося пророчество, и не помнящего его потом, и существование пророчества было отмечено в зале пророчеств. Если вы помните, пророчества хранятся самой древней и могущественной магией - как только я проверил его существование там, я знал, что оно истинно.

- Существование пророчества не было бы проблемой, если бы Волдеморт никогда не узнал о нём. К сожалению, молодой Пожиратель смерти случайно подслушивал снаружи комнаты и услышал его часть. Конечно, он сразу же побежал к своему хозяину, чтобы рассказать ему, но, не услышав всего предсказания, Волдеморт действовал совершенно иначе, чем если бы он знал недостающие фрагменты.

Всё, что Дамблдор сказал, было плохо... Хуже, чем ожидал Жан-Себастьян. Тем не менее, остались нерешенные вопросы.

- Но как вы узнали об этом, если Пожиратель смерти немедленно отправился к своему хозяину с информацией?

- Я знал его, - просто ответил Дамблдор, - он был молодым идеалистом и верил, правильно, по моему, что было много вещей в волшебном мире, которые нужно было изменить. К сожалению, он выбрал неправильный путь и заплатил свою цену. Поняв, что именно он привел к активности Волдеморта, и уяснив его планы, он сразу же пришел ко мне и признался во всём. С тех пор он был двойным агентом - шпионом в лагере Волдеморта - и до сих пор остаётся в этой роли.

Итак, предатель привел к смерти друга детства Жана-Себастьяна. Он уже знал о Петтигрю и жаждал возможности воздать должное крысе, но именно этот неизвестный человек привел события в движение. В его сердце загорелся всепожирающий огонь, и он впился взглядом в директора:

- Кто это был?

Покачивая головой, Дамблдор пристально посмотрел на своего собеседника:

- Нет оснований делиться этим с вами, равно как и причинами держать его при себе. Для его защиты и за бесценную информацию, которую он приносит мне, особенно в деле с Волдемортом, я должен сохранить его личность в тайне.

Жан-Себастьян посмотрел на Дамблдора:

- Как вы можете быть уверенным, что этот человек с вами не играет?

- У меня есть основания ему верить, - тихо ответил Дамблдор, его глаза вспыхнули от раздражения. - Я много чего делал в жизни и совершил много ошибок, Жан-Себастьян, но не

думай, что я глуп. Как только этот Пожиратель смерти пришел ко мне, я обеспечил его лояльность, в любом случае, он рискует жизнью на ежедневной основе и уже доказал свою ценность.

Всё ещё недовольный отказом Дамблдора разгласить это имя, Жан-Себастьян коротко кивнул головой:

- Я хочу знать, если это изменится, - потребовал он, на что Дамблдор ответил кивком. - Ладно, что за пророчество?

- Грядёт тот, у кого хватит могущества победить Тёмного Лорда...

Рождённый теми, кто трижды бросал ему вызов, рождённый на исходе седьмого месяца...

И Тёмный Лорд отметит его как равного себе, но не будет знать всей его силы...

И один из них должен погибнуть от руки другого, ибо ни один не может жить спокойно, пока жив другой...

Тот, кто достаточно могуществен, чтобы победить Тёмного Лорда, родится на исходе седьмого месяца...

Холод в воздухе, казалось, пробрал Жан-Себастьяна до самых костей, когда слова провидицы заполнили комнату. Стилль речи был соответствующим пророчествам, заполненный неясными ссылками и предположениями, которые можно было бы истолковать по-разному. Жан-Себастьян мог только предположить, что это было истинное пророчество, учитывая свидетельство Дамблдора о его происхождении.

- Это действительно смутное предсказание, - наконец заявил Жан-Себастьян.

- Это так. Но после всех этих событий, я думаю, можно получить более чёткое представление о том, что оно предсказывает. Первые строки неясны, в них говорится лишь, что ребенок будет рожден от тех, кто трижды сталкивался с Тёмным Лордом и выжил, и что он родится в конце июля.

- А что насчет сентября? Это был седьмой месяц римского календаря.

Глаза Дамблдора мерцали в ответ:

- Я думал об этом. Однако из-за того, что сентябрь был несколькими месяцами раньше, а другие требования не могли быть выполнены, я пришел к выводу, что это должен быть июль. Были два мальчика, которые соответствовали этому перечню - Гарри Поттер и еще один. И только первые две строки услышал этот Пожиратель Смерти, в противном случае, действия Волдеморта, вероятно, были бы совершенно другими.

- Третья строка доказывает, что пророчество было сделано о Гарри. Когда Волдеморт напал на Поттеров в 1981 году, он оставил Гарри шрам, который «обозначил его как равного». Он мог напасть на другого мальчика, но по причинам, которые только сам Волдеморт может обозначить, он решил напасть на Поттеров. Я могу только предположить, что другой мальчик был бы следующим, если бы ему это удалось.

- И сила, которой не знает Тёмный Лорд?

- Неясно, - ответил Дамблдор. - Тем не менее, я считаю, что это сила любви. Волдеморт не знал любви, когда был молодым, и я считаю, что он не понимает её силы, как и жертвы, на которую большинство людей пойдёт, чтобы защитить своих близких. Свидетели той ночи мертвы, за исключением маленького мальчика, который не может вспомнить, что произошло, и тем более понять это. Скомбинировав события, которые я мог реконструировать, я предположил, что Лили Поттер поставила на своего сына защиту крови, которая была подкреплена её смертью, и именно поэтому Гарри пережил смертельное проклятие.

Объяснение имело определенный смысл: в мире было много старых и забытых магических искусств, и возможно, что мать могла использовать одно из самых сильных положительных чувств для защиты своего сына.

- Значит, эта «сила, которую он не знает» была израсходована?

- Не обязательно, - не согласился Дамблдор, - Гарри, несмотря на свое детство с Дурслями, кажется, обладает удивительной способностью к любви. И не забывайте про введение вашей дочери в это уравнение - сила вейл ведь тоже основывается на любви?

Озноб пробил Жана-Себастьяна после этих слов директора. Неужели он бессознательно предоставил Гарри средства для окончательного поражения Тёмного Лорда? И какую роль сыграет его дочь? Неужели ей так или иначе суждено было присоединиться к Гарри и помочь ему победить Тёмного Лорда? Возможность вероятностей поразили рассудок, и Жан-Себастьян был на мгновение удивлен, что он сам этого не увидел заранее.

- Итак, вы полагаете, что сила проявилась в ночь, когда Волдеморт был побеждён... А какая-то часть пророчества еще не сыграла.

- Если говорить коротко, то да. Существуют и другие фрагменты, которые всё равно должны вступить в игру, но они проявятся в соответствующее время.

Немного подумав, Жан-Себастьян обнаружил, что он понимает, почему директор действовал именно так:

- И тот факт, что пророчество конкретно говорит, что один из них должен умереть, означает, что он не относится к ночи, когда родители Гарри были убиты.

- Именно, - подтвердил Дамблдор, - термин «победить» может предполагать, что как только Гарри пережил ту ночь, пророчество могло быть выполнено. Однако четвертая строка говорит, что им суждено встретиться и что когда-нибудь один из них должен убить другого. В ту ночь, несомненно, Волдеморт не «умер» от руки Гарри, а благодаря жертве его матери, как я полагаю, был ниспровергнут.

- Я вижу большое количество предположений, на которых основана вся ваша стратегия.

Пожав плечами, Дамблдор встретил его заявление:

- Это так, но возвращение Тёмного Лорда, похоже, поддерживает эту теорию. Волдеморт, как известно, утверждал, что он прошел дальше по пути к бессмертию, чем кто-либо другой, поэтому я считаю, что он не был окончательно убит той ночью. Он был, безусловно, лишен тела, но он не был по-настоящему побеждён. Гарри единственный, кто может привести к его окончательной смерти.

Осторожность требовала размышлений, чтобы правильно оценить это туманное предсказание, но Жан-Себастьян знал, что времени на обдумывание не было. Толкование Дамблдора казалось правильным, и тогда на данный момент лучшая схема действий - быть осторожным и действовать так, как если бы пророчество соответствовало истине.

- У меня есть еще определенные сомнения, но это, безусловно, правдоподобно.

- Ах, к сожалению, мой друг, все пророчества таковы, - согласился Дамблдор с апломбом. - Мы никогда не сможем убедиться, пока события не закончатся. Мы можем только основывать свои действия на том, во что мы верим, и мы должны приспосабливаться по мере того, как развиваются события.

- Гарри знает? - Жан-Себастьян уже предполагал ответ, но он желал знать, почему эта информация была скрыта от парня.

- Нет, я не уведомлял Гарри, - ответил Дамблдор и продолжил, прежде чем Жан-Себастьян смог высказать какие-либо комментарии, - это тяжелое бремя для молодого человека. Я считаю, что Гарри показал себя в высшей степени способным и уверенным молодым человеком, но я не думаю, что он готов к этому.

- И когда вы хотите ему сказать?

Дамблдор раздумывал несколько минут, прежде чем ответить:

- Я думал посмотреть, как он продвинется в этом году, а затем рассказать ему на его шестнадцатилетие. Многое будет зависеть от его уровня зрелости и моего мнения, что он справится с этим.

Хотя он всё ещё не был согласен с этим, Жан-Себастьян понял точку зрения директора:

- Я обещал ничего не таить от Гарри, моя дочь была очень настойчива в этом вопросе. Однако я считаю, что вы можете быть правы в этом случае. Но ему надо сказать, Дамблдор, и лучше раньше, чем позже.

- Я подумаю об этом.

Жан-Себастьян кивнул:

- В таком случае, я думаю, мы должны поговорить о цели моего приезда сюда сегодня вечером.

Дамблдор махнул рукой, и Жан-Себастьян продолжил:

- Я хотел бы узнать больше об Ордене, который вы создали.

- Вы хотите присоединиться?

Жан-Себастьян покачал головой:

- К сожалению, я еще недостаточно разбираюсь в этом, чтобы определить свои действия. Если это то, что я думаю, то я могу присоединиться, но сначала я хотел бы узнать больше, посетить некоторые встречи и вообще видеть, кто вы и что вы, прежде чем принимать какие-либо обязательства.

- Это приемлемо, - кивнул Дамблдор. - Я сформировал Орден, чтобы непосредственно сражаться с силами Волдеморта во время первой войны, когда стало очевидно, что министерство было... скажем, менее эффективным в борьбе с Тёмным Лордом. Мы проводили множество мероприятий, таких как сбор разведывательных данных и боевые действия. Сейчас я реформировал его для предстоящего конфликта и вербовки новых членов - я не верю, что министерство станет более эффективным сейчас, чем пятнадцать лет назад.

- Следующая встреча состоится здесь в следующую субботу, и вы можете принять участие, если хотите.

- Буду, - коротко подтвердил Жан-Себастьян. - Конечно, как французский посол, я ограничусь тем, что я могу сделать открыто, но если я захочу присоединиться, вы можете быть уверены в моей полной поддержке.

- Конечно.

- Это подводит нас к еще одному вопросу - я говорил с Гарри и считаю, что ему будет полезно специализированное обучение. Я не думаю, что то, чему он научится в школе, будет достаточно для того, с чем ему придется столкнуться.

- Отличная идея! - одобрил Дамблдор. - В любом случае, я и сам планировал начать обучение в этом году. Предполагаю, вы хотели начать раньше?

Когда Жан-Себастьян подтвердил, что это именно то, чего он хочет, Дамблдор продолжил:

- В таком случае, могу ли я предложить Аластора Грюма в качестве тренера? Я сомневаюсь, что вы найдете кого-нибудь более осведомленного, особенно за короткое время.

Жан-Себастьян знал о репутации этого человека. Он был немного обеспокоен, вспомнив, что под личиной Грюма был человек, который спланировал захват Гарри и возвращение Тёмного Лорда во время Турнира Трёх Волшебников, но это быстро прошло. У Гарри не было причин не доверять этому человеку.

- Аврор Грюм был бы приемлем. Пожалуйста, свяжитесь с ним и убедитесь, что он согласен. Если это так, попросите его связаться со мной, и мы сможем с ним договориться.

Разговор закончился. Жан-Себастьян поднялся, пожал руку Дамблдору и вышел из комнаты. Теперь он был вооружён важными знаниями, которые помогли бы ему обеспечить безопасность и окончательное выживание Гарри, и он намеревался хорошо ими воспользоваться.

Хотя Гермиона и была рада видеть её друга, она не могла не чувствовать себя напряжённой и беспокойной.

Дело не в том, что она не была рада за него - это было далеко от истины. Фактически, хотя Гарри никогда не делился деталями своей жизни со своими родственниками, она догадывалась, какова была его домашняя жизнь. Делакуры, похоже, были находкой для Гарри, и она была счастлива, что он нашел признание и любовь у хорошей и любящей семьи.

Нет, то, что привело Гермиону к её нынешнему состоянию беспокойства, была та её часть, от которой, как ей казалось, она избавилась много лет назад.

Проще говоря, Гермиона чувствовала себя испуганной и неуверенной. Частью её была ещё робкая молодая девушка, единственными друзьями которой были те, кого она нашла на страницах своих любимых книг. И хотя она сказала себе, что она глупа и что у Гарри был тот же недостаток друзей, как и у неё, она всё ещё не могла поколебать страх, который она испытывала, когда он общался с Флёр и остальными его друзьями. Конечно, Гарри никогда не

будет отвергать её дружбу даже при наличии невесты.

Но, хотя она знала, что Гарри не был тем человеком, который просто так вышвырнет её из своей жизни, её разум не слушался, и она беспокоилась. Теперь он казался намного счастливее - его лицо действительно светилось, когда он говорил, он подшучивал над близнецами, и каждый раз, когда он смотрел на Флёр, казалось, что они общаются на другом уровне. Как могла она - Гермиона Джин «Книжный червь» Грейнджер - когда-нибудь надеяться на состязание с блистательной красотой Флёр Делакур, богиней-вейлой и чемпионом Турнира Трёх Волшебников?

Её мир был сосредоточен вокруг него с тех пор, как они вместе пошли в Хогвартс, как бы она справилась, если бы он отошел от неё? Трио прекратило бы существовать, и другой её друг тоже улетучился бы. Именно Гарри держал трио вместе, именно Гарри преодолевал разрыв между ней и Роном. Если бы он был исключён из уравнения, Гермиона не сомневалась, что Рон первоначально захочет «поиграть» с ней, прежде чем быстро потерять интерес, увидев, что у них нет ничего общего. Она осталась бы без друга и стала бы такой же одинокой, как и раньше.

Она не знала, как долго она смотрела, как её друзья смеются и шутят, но её сдержанность не осталась надолго незамеченной. Вскоре она увидела, как Гарри бросает на неё любопытные взгляды, пытаясь понять, что на неё нашло. Она покраснела и попыталась скрыть свое беспокойство под маской беззаботности, но Гарри уже четыре года был её другом - он знал её лучше, чем кто-либо другой, и почти мог почувствовать её беспокойство.

Он отвлёкся от своих друзей и обратил на неё внимание с вопросительным выражением на лице:

- Гермиона, ты в порядке?

Она неловко постаралась избежать его внимания, но он был рядом, терпение и добродушие расходились от него волнами. Её сердце растаяло от его вида, и она слегка расслабилась, хотя её голова все еще отказывалась сотрудничать.

- Я в порядке, Гарри, - наконец проговорила она дрожащим голосом.

- Мне так не кажется, - нахмурился Гарри. - Почему бы тебе не рассказать мне, что тебя беспокоит?

Не в силах отвлечь его, Гермиона выпалила первое, что пришло ей в голову:

- Ты всё ещё мой друг, верно?

Целый набор эмоций пробежал по лицу Гарри - от недоверия до смятения, от подозрения и, наконец, до веселья:

- Гермиона Джин Грейнджер, о чем ты болтаешь?

Затем он подмигнул ей и продолжил дерзким тоном:

- Я хотел сделать это целую вечность! Обычно только ты используешь моё полное имя!

- Гарри Джеймс Поттер! - насмешливо проворчала Гермиона, заставив их обоих расхохотаться.

- Серьезно, Гермиона, - сказал Гарри, когда они оба успокоились, - ты действительно думала, что это изменение в моей жизни изменит что-нибудь между тобой и мной?

Гермиона почувствовала замешательство и смущение из-за того, что вообще сомневалась в нём, но всё же где-то глубоко в мыслях она всё ещё чувствовала оправдание своим страхам.

- Гермиона, - перебил Гарри ее мысли, - ты знаешь, что ты мой лучший друг, не так ли? Да, моя жизнь изменилась, но я надеюсь, что между нами всё останется по-прежнему. Ты была единственным человеком, который всегда был готов на всё ради меня. Ты была там до конца, когда я столкнулся с Квиррелом и камнем, предоставила мне ключ к секрету василиска, а затем полетела со мной на Клювкрыле на третьем курсе. И я даже не могу описать, насколько ценной была твоя поддержка в прошлом году, когда половина студентов даже моего собственного Дома разозлилась на меня за то, что я опорочил честь Гриффиндора, участвуя в турнире незаконно, в то время как другая половина поздравила меня с обходом правил. Ты была единственной, кто верил мне безоговорочно и без сомнений. Ты вообще понимаешь, ЧТО ты для меня значишь?

Покрасневшая Гермиона схватила своего ближайшего друга и подарила ему крепкие объятия, которые были немедленно возвращены с лихвой. Облегчение, которое она почувствовала, было невероятным, и она ощутила, как из уголков её глаз просочились слезы.

Гарри, отодвигаясь, заметил её слезы и вытер их тыльной стороной больших пальцев, всё время ласково ей улыбаясь.

- Итак, давай не будем больше об этом, хорошо?

Гермиона радостно кивнула головой, с удовольствием согласившись на его просьбу.

В этот момент дверь открылась, и в неё вошли Дамблдор и мистер Делакур. Гермиона заметила любопытный взгляд французского посла в их сторону, но была слишком счастлива, чтобы ответить чем-то, кроме улыбки.

- Гарри, Флёр, пришло время вернуться в поместье, - заявил мистер Делакур.

- Да, Жан-Себастьян.

- Прежде, чем мы уйдем, ты не хочешь спросить своих друзей, хотят ли они присоединиться к вам?

Кивнув, Гарри повернулся к своим друзьям:

- Жан-Себастьян хочет устроить Флёр и мне кое-какие тренировки и сказал, что Рон и Гермиона могут присоединиться к нам. Ребята, хотите?

Их ответы были безотлагательными и воодушевленными, а Гермиона поблагодарила его за постоянную поддержку и мысли о ней.

Но один из присутствующих был крайне недоволен развитием ситуации. Джинни тоскливо смотрела на Гарри и, хотя она ничего не говорила, выглядела задетой, что её не пригласили. Будучи недовольной продолжающимся нежеланием Джинни отказаться от Гарри, Гермиона всё же сочувствовала молодой девушке. Она прочистила горло и неуверенно заговорила:

- Простите, мистер Делакур, - начала она, - поскольку мы все в опасности, почему бы нам не увеличить тренировочную группу, чтобы включить и других? Таким образом, у Гарри всегда будет группа его друзей, чтобы поддержать его и защитить, если это необходимо, а остальные из нас будут проходить курсы повышения квалификации, которые помогут нам в будущем.

Мистер Делакур посмотрел на неё с полуулыбкой на лице:

- Я понимаю, почему они называют вас самой умной ведьмой поколения, мисс Грейнджер.

Гермиона почувствовала, что её щеки зарделись от комплимента.

- Но я соглашусь, только если вы будете меня звать Жан-Себастьян, как и ваш друг.

Счастливо улыбаясь, Гермиона кивнула в знак согласия.

Жан-Себастьян повернулся к Гарри:

- Я уверен, что Аластор Грюм может взять ещё несколько учеников. Уизли могут присоединиться, и если есть другие, сообщите нам об этом, и мы организуем и их участие.

Гермиона была довольна исходом вечера. Она будет оставаться самым близким другом Гарри и будет частью его жизни. Её прежнее расстройство теперь казалось глупым и ребяческим. И когда она как следует подумала об этом, она поняла, что Гарри никогда её не бросит. Тем не

менее, было сильным облегчением узнать, что её страхи напрасны.

А вот ещё одна личность, наблюдая за событиями сегодняшнего вечера, была совсем не удовлетворена его результатами. Рон нечаянно услышал разговор Гермионы с Гарри, и итоги этого разговора сильно нарушали внутренний комфорт Рона. В конце-концов, он был в курсе того факта, что Гарри, как последний в роду, был почти обязан взять вторую жену - осознание этого факта пришло к Рону после ухода его друга в последний раз, после чего его радость быстро покатила под гору. Он отчаянно хотел помешать Гермионе стать этой самой второй женой. Тот факт, что им всё ещё только пятнадцать, для его мыслей не был существенным, прямо сейчас потребность отодвинуть их друг от друга была первостепенной.

Вдобавок, Рон был несколько оскорблён тем, что Гарри назвал именно Гермиону своим лучшим другом - это был его титул по праву! Как смеет Поттер заявлять во всеуслышание такую ерунду?!

Негодование, сожаление и расстройство всё росли внутри Рона, он размышлял о Гермионе и о том, как удержать Гарри от попыток предпринять что-либо в её отношении. Ему нужно было быстро заняться ею самому, до того как Гарри успеет сделать хоть что-то. Это соревнование с Мальчиком-Который-Мелет-Чушь Рон не имел желания проигрывать.

<http://tl.rulate.ru/book/50520/1263416>